

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. А. Исаев

**СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИИ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Николай Исаев

**Сексуальные преступления
как объект криминологии**

«Юридический центр»

2007

ББК 67.408

Исаев Н. А.

Сексуальные преступления как объект криминологии /
Н. А. Исаев — «Юридический центр», 2007 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

ISBN 978-5-94201-521-3

Работа посвящена междисциплинарному криминологическому анализу проблем сексуальных преступлений. В центре внимания автора – кутьтурально-криминологические и социально-психологические особенности указанных преступлений, их исторически-правовой и сравнительно-правовой анализ. Особое место отводится преступлениям, связанным с феноменами порнографии и проституции. Предлагается авторская концепция типологии личности сексуального преступника. Большое внимание уделяется вопросам профилактики сексуальных преступлений. Приводятся материалы комплексных экспертных исследований. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, криминологов, юридических психологов, судебных психиатров, а также всех интересующихся современными проблемами криминологических исследований.

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-521-3

© Исаев Н. А., 2007
© Юридический центр, 2007

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение	8
1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»	22
1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Алексеевич Исаев

Сексуальные преступления

как объект криминологии

© Н. А. Исаев, 2007

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

Предисловие

Представление этой книги я хотел бы начать с достаточно распространенного утверждения о том, что криминологическая обстановка, особенно в части насильственной и сексуальной преступности, в России весьма неблагоприятна. Достаточно сказать, что уровень насильственной преступности в стране в 2–3 раза превышает соответствующий уровень в западных странах в расчете на единицу населения. Неблагополучно положение и в области сексуальной преступности, причем не только насильственной ее части. На состояние этого вида преступности большое влияние оказывают неблагоприятные социальные факторы, в том числе связанные с алкоголизацией и наркотизацией населения, ростом проституции и порнографии. На фоне ослабления деятельности правоохранительных органов по обеспечению высокого уровня нравственности в обществе и неэффективности институтов гражданского общества можно ожидать ухудшения криминологической ситуации и с насильственной, и с сексуальной преступностью.

В последние годы появилось немало криминологических работ, посвященных насильственному и сексуальному преступному поведению. Эти работы чаще всего принадлежат перу либо криминологов, либо судебных психиатров. В то же время очень мало таких исследований, в которых соединялись бы и юридические, и психиатрические, и психологические аспекты.

Предлагаемая вниманию читателей книга Н. А. Исаева «Сексуальные преступления как объект криминологического исследования» – достаточно уникальное произведение, в котором удачно сочетаются результаты криминологических, уголовно-правовых, психологических и психиатрических исследований, выполненных автором на высоком профессиональном уровне. И это совсем неудивительно, поскольку он обладает и медицинским, и юридическим образованием, в течение многих лет интенсивно осуществляет эмпирические криминологические исследования. Его перу принадлежат многочисленные работы в области судебной психиатрии, сексологии и криминологии, которые получили одобрение и поддержку среди ученых соответствующих специальностей. На мой взгляд, автор принадлежит к числу ведущих криминальных сексологов страны.

В книге представлены обширный эмпирический материал, множество конкретных примеров, которые удачно иллюстрируют и доказывают положения и выводы, приводимые автором. Эти исследования были проведены им в качестве криминолога и судебного психиатра.

В монографии Н. А. Исаева предпринята удачная попытка системного охвата наиболее важных проблем в области изучения сексуальных преступлений, проведено сравнительное исследование социально-правовой регуляции сексуального поведения, дан уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, рассмотрены такие малоизученные в науке явления, как порнография и проституция.

Вполне обоснованно, что работу завершает раздел, посвященный проблемам профилактики сексуальных преступлений. Соответствующая профилактическая деятельность, конечно, чрезвычайно сложна, и в связи с этим исследователю порой трудно устоять перед соблазном высказать тривиальные мысли по поводу путей и средств противодействия сексуальным преступлениям. Содержащиеся в этой книге предложения и рекомендации предупредительного характера научно выверены и научно обоснованы, при этом автор опирается на те выводы и положения, к которым пришел сам или которые почерпнул из заслуживающей доверия литературы.

Труд Н. А. Исаева, безусловно, будет с интересом встречен научными и практическими работниками. Думается, имеющиеся в работе предложения по изменению законодательства заслуживают внимания, и я настойчиво бы рекомендовал внедрить их в уголовное законода-

тельство. Эти предложения и рекомендации основаны не на досужих размышлениях, а на конкретном и достоверном материале.

Можно выразить уверенность в том, что эта книга будет с интересом встречена всеми, кто интересуется вопросами сексуальной преступности и обеспокоен ростом ее уровня в нашей стране.

*Доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ Ю. М. Антонян*

Глава 1

Системный подход к изучению девиантного и криминального сексуального поведения

«...Человеческая совесть не всегда и не везде одинакова, почти всегда она есть прямое следствие образа жизни данного общества, данного климата и географии... только истинная мудрость должна помочь нам занять разумную среднюю позицию между экстравагантностью и химерами и выработать в себе кодекс поведения, который и будет отвечать как нашим потребностям и наклонностям, данным нам природой, так и законам страны, где нам выпало жить».
Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение

Многообразие взглядов на предмет человеческой сексуальности нашло отражение в развитии новой научной дисциплины – сексологии. Несмотря на это сексуальность как предмет исследования остается иррелевантной по своей сути, поскольку, как отмечает английский социолог Э. Гидденс, «с одной стороны, она является всеохватывающим, с другой стороны – сущностно частным делом».¹ Частный характер сексуального поведения применительно к правовой регуляции проявляется в соотношении правовой охраны неприкосновенности и половой свободы личности; право выступает как гарант свободы человеческого поведения, но в определенных рамках, устанавливаемых социальными нормами.

Другой проблемной ситуацией оказывается стремительный рост знаний в области человеческой сексуальности и трудности их междисциплинарной реализации в юридических науках,² в частности в области исследования криминального сексуального поведения.

Известный исследователь Г. Блумер отмечал, что основная проблема разрыва между теоретическими и прикладными исследованиями в общественных дисциплинах базируется на «отсутствии четко определенных понятий, которые являются важным предварительным условием научного развития»³. К числу наиболее сложных понятий относятся нормы сексуального поведения и сексуальных отношений, так как в данной области человеческого бытия происходит сложное переплетение морально-нравственных, культуральных, религиозных, научных и других подходов.

Анализ правовых и других социальных норм регуляции всего многообразия сексуального поведения – чрезвычайно сложен и противоречив. Так, в медицинских моделях норма объясняется через патологию, а патология – через норму, образуя таким образом порочный круг интерпретаций. Нормы морали и нормы физиологии, нормы права и нормы психологии несут в себе различные системы отсчета, и сопоставление их возможно только в рамках

---

¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – С. 30.

² Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк, 1999. – С. 3.

³ Blumer H. Der methodologische Standort des Symbolischen Interactionismus // Alltagswissen, Interaction und gesellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Bd. 1: Symbolischer Interactionismus und Ethnomethodologie. – Reinbeck, 1973. – P. 34.

системного подхода. Кроме того, границы нормативности и отклонений в проявлении сексуального поведения обусловлены социокультуральными особенностями, изменчивы в историческом времени и неоднородны в пространственно-территориальном аспекте.⁴ Г. Б. Дерягин справедливо отмечает: «В определении сексуальной нормы, принятой в конкретном обществе, необходим междисциплинарный подход, и здесь, по нашему мнению, нельзя ориентироваться на логику отдельных интеллектуалов из-за того, что она может отличаться от взглядов большинства членов общества».⁵ Он предлагает ввести понятие «условной нормы» как «искусственного соединения популярных и научных воззрений».⁶ На наш взгляд, такое понятие, как «условная норма», вполне допустимо в естественных науках, но не может использоваться в области права. Особенно четко должны быть сформулированы общие критерии, характеризующие криминальное сексуальное поведение.

Понятие нормы в основном базируется на трех категориях – должного в области морали и права, среднестатистического в социологических исследованиях и процессов адаптации применительно к медико-биологическим наукам.

Понятие нормы и нормативности, с одной стороны, представляет способ существования и функционирования культуры, с другой – является формой ее проявления. Нормативное бытие личности, общества и культуры осуществляется в трех формах, выполняющих различные функции, – в нормах, нормировании и нормативах. Под нормами в целом понимается общепринятое правило, образец, эталон или стандарт поведения, действующий в сфере данной нормативной системы.⁷ Норма представляет собой долженствование (запрет, разрешение, уполномочивание), но проявляется она только в рамках интерпретирующего сознания. Таким образом, с позиций модальной логики норма относится к модальности долженствования, или деонтической модальности, как универсальной категории суждения о мире, выступая в трех формах: разрешенного, запрещенного или должного.⁸ Для рассмотрения возможности соотношения норм, ценностей и рациональности необходимо отметить существование еще двух модальностей – аксиологической, или оценочной, в которую входят понятия хорошего, плохого и безразличного, и алетической, с разделением на необходимое, возможное и невозможное.⁹ Следует отметить, что различные системы отсчета обусловлены, прежде всего, использованием разных модальных категорий. Так, нормы морали относятся к аксиологической модальности и отражают представления о хорошем и плохом, добре и зле и т. д., нормы права могут рассматриваться только в деонтической модальности, научные нормы относятся к категории алетического. При этом следует учитывать, что категории необходимого и должного или должного и хорошего не всегда совпадают.

Нормирование представляет собой процесс воплощения норм в поведении и, соответственно, является и феноменом человеческого сознания, и социальной практикой.¹⁰

Норматив есть результат процесса нормирования, результат какой-либо деятельности.

Термин «девиантное поведение» отражает социальную характеристику, которая, в свою очередь, является производной от многих других и поэтому с трудом поддается четкой дефиниции в области половых отношений. Так, поведение с точки зрения морали в отклоняющемся варианте аморально, в плане нравственности – безнравственно, исходя из традиций и обычаев конкретного общества, оно получает название нетрадиционного. Учитывая данные научных

---

⁴ Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М., Медицина, 1986. – С. 23–25.

⁵ Дерягин Г. Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на европейском Севере России. Дис... докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – С. 116.

⁶ Там же. – С. 116–117.

⁷ Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1993. – С. 414.

⁸ Вригт Г. Логико-философские исследования. – М., Прогресс, 1986. – С. 92–97.

⁹ Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., Просвещение, 1971. – С. 17–43.

¹⁰ Шнейдер В. Б. Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург, 2002. – С. 164–165.

сексологических исследований, об аномальном поведении говорят тогда, когда оно не вкладывается в медицинские стандарты и нормы. В биологии такие отклоняющиеся формы сексуального поведения, не направленные на репродуктивные функции, называются противоестественными. Соответственно критериев нормативности поведения может существовать огромное множество, и, чтобы подойти к проблеме систематики отклоняющегося поведения, следует рассматривать его с позиций общего знаменателя, характеризующего ту или иную культуру в целом. Условно можно выделить три таких критерия: целесообразность – направленность на цель; ценность – направленность на субъективные, эмоциональные или духовные ценности, и рациональность – направленность на разумную обоснованность.

Девиантные формы сексуального поведения как область систематического научного изучения сформировались относительно недавно в рамках самостоятельной научной дисциплины – девиантологии, где основные исследования проводятся в русле социологии и психологии девиантности и социального контроля. Однако очерченный данной научной областью круг проблем и вопросы, стоящие перед ней, имеют свою длительную историю развития.

В общем виде социальные нормы представляют собой нормы регуляции поведения и социального контроля над этим поведением. Социальные нормы или правила воплощают в себе требования государства и общества к поведению отдельной личности или социальной группе в процессе их взаимоотношений как между собой, так и с социальными структурами более высокого порядка – отдельными социальными институтами и обществом в целом.

Как разновидности социальных норм выступают нормы права, которые в целом характеризуются рядом специфических особенностей:

- 1) социальные нормы санкционированы государством;
- 2) носят наиболее упорядоченный характер;
- 3) являются общеобязательным правилом поведения;
- 4) отражают волю и интересы всего общества.¹¹

Сравнивая различные правовые нормы, регулирующие определенные стороны социальных отношений, в частности нормы уголовного права в области сексуальных отношений, в различных правовых системах, прежде всего, следует исходить из понимания нормы права как элементарной единицы в системе права. Тогда анализ или сравнение можно проводить как в единстве структуры – формы – содержания, так и по каждой составляющей в отдельности в лингвистическом аспекте, логическом анализе и семантической или смысловой оценке.

Анализируя юридические нормы для возможности сравнительного анализа всего разнообразия форм сексуального поведения и его регуляции, необходим разносторонний подход к пониманию самого понятия юридической или правовой нормы в рамках существующих социальных или культуральных норм, анализ их взаимоотношения и, соответственно, в первую очередь возможности анализа девиантных форм поведения.

Рассмотрение норм как соотношения формы, содержания и структуры делает перспективным синхронический подход к сравнительным исследованиям и диахронический сравнительный анализ. Синхронический компаративистский анализ основан на оценке одновременно сосуществующих норм права, образующих ту или иную систему права в том виде, в каком она воспринимается в правосознании субъектов. Диахронический анализ есть, прежде всего, историческое исследование смены одних элементов нормативной системы другими и ретроспективная оценка динамики.

Для использования диахронического подхода целесообразно использовать понятие «антропология юридической нормы».¹² По своей форме нормы права, регулирующие сексуальное поведение в синхроническом аспекте, представлены широким спектром насилия про-

---

¹¹ Комаров С. А. Общая теория государства и права. – М., Юрайт, 1998. – С. 257.

¹² Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003.-С. 160–161.

тив личности и охраной половой свободы и неприкосновенности личности, а также «охраной морали» для консенсусного криминального сексуального поведения. При этом наполнение или конкретное содержание правовых норм обусловлено семантикой социального или культурального кода. Исторические процессы значительно изменяют это содержание в зависимости от социальных институтов и общества в целом. Первоначально сексуальное поведение и его регуляция полностью входили в институт семьи (рода, племени, клана и т. д.) или другие социальные институты и принимали ритуализированные формы сексуального поведения. Сексуальное поведение как самостоятельная форма правовых норм появляется только в период индустриальных цивилизаций. До этого времени как самостоятельный элемент правовых норм оно отсутствовало. При этом охраняется половая свобода и неприкосновенность, которые входят в круг прав и свобод личности. Ряд других норм, направленных на ограничение сексуального поведения, составляют структуру норм по охране общественной нравственности и морали.

В период Средневековья и даже в древних законодательных актах присутствуют понятия бесчестия, блуда, прелюбодеяния как наказуемых форм сексуального поведения, но они стоят в одном ряду с причинением имущественного вреда хозяину или в рамках физического насилия и как самостоятельные составы преступлений не фигурируют. Мораль и сексуальное поведение еще не связаны между собой в культуральном коде. Так, по мнению Л. Н. Гумилева, одним из самых моральных кодексов в истории человечества являются «Ясы» Чингисхана, представляющего народ, который постоянно осуществлял завоевательные походы и вел достаточно суровый образ жизни.¹³ Это законодательство направлено не на противодействие насилию или охрану имущества, а на взаимопомощь, однако в отношении сексуальных преступлений оно ничего конкретного не содержит; женщина по-прежнему выступает как часть добычи в военном походе или как часть имущества в условиях мирного времени.

Соответственно вопросы сексуального поведения находятся не в ведении правовых норм, а внутри отдельных социальных институтов, и в первую очередь института семьи и брака. Семья представляет собой некий стабильный набор правил, это так называемая «большая» семья традиционного, доиндустриального общества. Если внешние нормы поведения семьи регулируются в большинстве случаев ситуациями имущественного обмена, то внутри семьи сохраняются определенные запреты. Табу на инцест есть один из универсальных запретов, встречающийся в различных культурах практически повсеместно.

Антропологический компонент «изначально представлял собой полигон исходного родового определения во взаимодействии мужского и женского начал, которое завершилось институционализацией семьи, поскольку именно этот институт заявил о себе как индивидуальное антропологическое начало в гомогенности рода».¹⁴

Рассмотрение проблемы насилия в антропологическом аспекте, в первую очередь, связано с возможностью его регуляции, подконтрольности, обузданности. Регуляторами поведения индивида в традиционном обществе выступают ритуалы, и в отношении регуляции насильственных форм поведения это, прежде всего, ритуалы жертвоприношения. Социальная реальность традиционного общества включает две части – сакральную и профанную. Ритуализация и институционализация насилия проводится с целью контроля и возможности его регуляции. Данный аспект в литературе часто связывается с патосексуальностью, например интерпретация различных форм флагаляции. Однако последняя связана с чувственной жертвенностью в рамках теологии, а не сексуальности. Последняя просто не существует в культуральном и социальном коде, как не возникает и культуральных проблем разделения эротического и порнографического.

---

¹³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., Танаис, ДК ДИК, 1997. – С. 135–137.

¹⁴ Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 193.

Проблема жертвенности рассматривается в работах антропологов, этнологов, философов, юристов, однако она далека от своего решения. Для данного исследования эта проблема представляет интерес в связи с парафильными формами поведения и в аспекте оценки поведения жертв сексуального насилия. Так, довольно распространенная в криминологии “labeling theory”, или теория стигматизации, постулирует, что современный социум производит преступников за счет как первичной, так и вторичной «наклейки ярлыков». Однако по аналогии с этим в виктимологии мы можем рассматривать стигматизацию жертв преступлений, например, за счет «идеологии страдания» (по выражению кардинала Б. Лоу) или других знаков социальной семантики, направленных на создание двойных стандартов и морали жертвенности. Таким образом, современные идеологические системы и средства массовой информации могут способствовать производству жертв насильственных преступлений.

«Жертвенность, несмотря на свое податливое онтическое проявление, присущую ей максимальную доступность для окружающей социальной действительности и совместимость с ней, содержит внутреннее мощное сопротивление и является активным способом противостояния злу».¹⁵

Рассмотрение норм права в антропологическом аспекте может приблизить к пониманию данной проблематики. С антропологических позиций интересно, что как жертва, так и преступник становятся существами сакральными. Для своего очищения они должны осуществить символический обмен между реальностями сакрального и профанного. В связи с этим в карательной системе правосудия преступник чаще всего чувствует себя жертвой этой системы, он всегда обвиняет ее в несправедливости, тем самым психологически меняясь местами с жертвой.

Социальные и правовые нормы традиционного общества и ритуалы, воплощающие их в жизнь, представляют собой нормы символического обмена сакрального и профанного. Это касается и большинства форм ритуализированного сексуального поведения, среди которых можно назвать и священный брак, и дионисийские оргии, и храмовую проституцию, и др. Только в начале XIX в. де Сад, и в последующем Л. фон Зохер-Мазох изменили семантику сексуального кода, а именно соединили насилие и жертвенность с сексуальностью, установив таким образом возможность насильственного способа сексуального поведения как взаимоприемлемого, консенсусного. Ритуализированные нормы регуляции насилия получили принципиально новое смысловое содержание в культуральном коде.

Рассматривая ритуал как аналог нормативной регуляции, нужно отметить, что большинство современных антропологов права больше склоняются к выделению мононорм в виде табу, запретов.¹⁶ Однако следует отметить специфику такого подхода: табу представляет собой запрет для конкретного индивида и для всего общества, оно касается непосредственно каждого; ритуал же – это форма поведения, которую ожидают от других, следовательно, он ближе к современному пониманию норм права как норм права другого.

Эволюция правовых норм определяется двумя факторами:¹⁷

- 1) процессами расширения области правовых ситуаций (изменение реальностей);
- 2) неупорядоченностью и противоречивостью правовых норм.

Первый фактор наиболее ярко может быть представлен с позиций цивилизационного подхода как процесс динамики от реальности традиционных обществ к индуст-реальности (Э. Тоффлер)¹⁸, и к гипер-реальности (Ж. Бодрийяр)¹⁹ информационного общества, или общества эпохи постмодерна.

---

¹⁵ Там же. – С. 199.

¹⁶ Рулан Н. Юридическая антропология. – М., Норма, 2000. – С. 87.

¹⁷ Розин В. М. Генезис права. Методологический и культурологический анализ. – М., 2003. – С. 154.

¹⁸ Тоффлер Э. Третья волна. – М., АСТ, 2004. – С. 74.

Наиболее общими современными правовыми нормами, регулирующими сексуальное поведение западной цивилизации, являются:

- 1) отсутствие нарушений установленных законодательством возрастных цензов сексуальных партнеров, их физическая зрелость, вменяемость и дееспособность;
- 2) наличие взаимного добровольного предварительного согласия на те или иные действия сексуального характера;
- 3) отсутствие нарушений прав партнера или третьих лиц;
- 4) отсутствие умышленного причинения вреда здоровью, в том числе в отношении заболеваний, передающихся половым путем.

Все многообразие криминальных форм сексуального поведения американские криминологи предлагают условно разделить на две группы: преступления насильственного (недобровольного) характера, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и преступления против морали, общественной нравственности, или «преступления без жертв».²⁰ Под «преступлениями без жертв» понимается «добровольный обмен между взрослыми лицами необходимыми, но запрещенными законом товарами или услугами».²¹ К таким преступлениям против морали, в первую очередь, относятся распространение порнографии и проституция. Криминологическими особенностями преступлений без жертв, согласно Е. Schur, являются: 1) отсутствие в обществе единого мнения по вопросу, какими законами они должны регулироваться и как наказывать виновных; 2) в основе преступлений данной группы всегда лежит обмен; товары или услуги обмениваются на деньги, секс и др.; 3) отсутствует ущерб, за исключением ущерба, который несет сам правонарушитель. В отечественной криминологии и уголовном праве понятие «преступление без жертв» не используется, однако объектом преступления, согласно ст. 242 УК РФ, являются «отношения в сфере общественной нравственности, касающиеся половой жизни».²² Регуляция нравственности репрессивной по своей сути системой уголовного судопроизводства всегда будет проблематичной. Человек, понесший уголовное наказание, вряд ли станет более нравственным.

Группа насильственных сексуальных преступлений также трактуется в различных правовых системах неоднозначно. Можно говорить о расширенной и узкой трактовках понимания именно сексуального насилия.

Условно сексуальное насилие можно разделить на ряд следующих форм:

- 1) институционализированные;
- 2) символическое насилие;
- 3) криминальные;
- 4) ритуализированные;
- 5) реципрокные.

1. *Институционализированное насилие*. Следует отметить значительную распространенность институционализированных форм сексуального насилия в мировой практике, причем не в традиционных культурах, изучаемых антропологами, на сексуальное поведение которых смотрят как на что-то экзотическое, а в современных цивилизованных странах. Вопрос о том, являются ли они криминальными с позиций западных стандартов уголовного права, также является открытым. К таким формам относятся: клитеродектомия и обрезание в странах Ближнего Востока, например в Египте, принудительные гинекологические осмотры в Китае, проверка девственности в Турции, левиратный брак в Израиле, принуждение детей к браку в

---

¹⁹ Бодрийяр Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 127–131.

²⁰ Schur E. M. Crime Without Victims. Englewood Cliffs. – NJ., Prentice-Hall. – P. 76–84.

²¹ Ibid.-P.169.

²² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 742.

странах Африки и Латинской Америки (Эфиопия, Конго, Уганда), заключение брачного договора без согласия жениха и невесты и др.

Естественно, такие институционализированные формы насилия основаны на традициях и в большинстве стран мира, где они были распространены, в настоящее время криминализованы под влиянием западных норм права, однако реальное воплощение правовых норм остается нереализованным. Следует обратить внимание на тот факт, что сексуальное насилие над женщинами не было распространено повсеместно в традиционных культурах. Контроль над женщиной обеспечивался через право собственности. Женщины чаще подвергались насилию в пределах домашнего хозяйства, но были защищены от публичных сфер. Изнасилование процветало главным образом в маргинальных областях, в колониях, во время войн, среди мародерствующих и оккупационных армий. «В этих маргинальных областях было отчетливо выражено насилие в общем, а изнасилование было одним из видов такого рода деятельности среди форм жестокости и кровопролития...»²³ В индустриальных обществах сексуальное насилие стало выступать как основа сексуального контроля.

2. *Символическое насилие* — относительно новый термин, введенный французским политологом Р. Ароном (1985), определяемый как моральное насилие, осуществляемое посредством символов культуры, без реального применения физического насилия.²⁴ Это вполне реальное, а не мнимое насилие, хотя и не прямое, а косвенное, направленное на духовную составляющую как отдельного индивида, так и социальных групп, с преобладающим воздействием на разум и волю. Развитие символического насилия он связывает с информационным обществом и «цивилизационными», информационными войнами. Отмечая, что символическое насилие действует на знаковые системы, мирозерцание и мысли, нельзя не отметить его роль в формировании стандартов сексуального насильственного поведения при учете распространенности на территории России и стран СНГ низкокачественной видеопродукции с обилием сцен насилия и жестокости. Однако символические формы насилия не являются криминальными, их целесообразно рассматривать как явления, на фоне которых формируются стереотипы криминального сексуального насилия.

3. Понятие *криминальных форм* сексуального поведения основано на уголовном праве. В уголовном праве России на основе классификации статей УК выделяются половые преступления, которые составляют главу 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Я. М. Яковлев определял половые преступления как предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающие половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола.²⁵ Сходное определение приводил Б. В. Даниэльбек (1972), называя такое преступление общественно опасным деянием, имеющим сексуальный характер, посягающим на нормальный уклад половых отношений в обществе, совершаемым для удовлетворения своей или чужой потребности.²⁶ Выделение криминального сексуального поведения основано, прежде всего, на совершении преступлений на почве сексуальных побуждений, которые могут детерминировать и другие преступления. Сексуальная мотивация как основа типологии оправданна не только в уголовно-правовом плане, но и в аспекте криминологического анализа этих преступлений, экспертных оценок личности преступника и разработке оперативно-следственных мероприятий.

²³ Гидденс А. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб., Питер, 2004. — С. 139.

²⁴ Aron R. Clausewitz. Philosopher of War. — New York, 1985. — P. 373–393.

²⁵ Яковлев Я. М. Половые преступления. — Душанбе, Ирфон, 1969. — С. 64.

²⁶ Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. — Волгоград, 1972. — С. 26–27.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет сексуальное насилие как «любой сексуальный акт или попытку его совершить, нежелательные сексуальные замечания или заигрывания, любые действия против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте, включая дом и работу, но не ограничиваясь ими».²⁷ Однако приведенное определение носит семантически неопределенный и расширенный характер толкования проблемы и не может использоваться в уголовном праве. Принудительное сексуальное поведение может принимать самые различные формы, но основным криминализирующим моментом будет являться различное по степени применения физическое или психическое насилие над жертвой.

При сравнительном анализе криминального сексуального насилия можно говорить о различных степенях применения силы: изнасилование, сексуальное принуждение, или понуждение, преследование, домогательство и посягательство. Отдельно в группе криминального сексуального насилия выделяются насилие со стороны интимного партнера, групповые и организованные формы сексуального насилия.

Изнасилование — это половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 131 УК РФ). С точки зрения объективной стороны этого преступления, изнасилование как насильственное, нормативное, гетеросексуальное половое сношение является специальной нормой по отношению к насильственным действиям сексуального характера в целом. Определение термина «изнасилование» представляет известные методологические трудности. В уголовных законодательствах многих стран он не используется и заменяется обобщенным понятием сексуального нападения, или сексуальной агрессии. Юридическое определение было предложено А. Groth и означало насильственное введение полового члена во влагалище без согласия женщины.²⁸

Другие авторы предлагали учитывать конкретное сексуальное поведение (cunnilingus, fellatio, анально-генитальное сношение и др.).²⁹ Министерство юстиции США определяет изнасилование как «незаконное сексуальное сношение с женщиной, осуществляемое с применением силы или без добровольного юридического или фактического согласия».³⁰ Другой проблемой изнасилования является точное определение понятий «согласие» и критериев, его определяющих. «За последние годы понятия “вынужденный секс” и “согласие” претерпели заметные изменения. Когда-то сфера действия этих понятий ограничивалась довольно узкими рамками открытого нападения или насилия, совершенного незнакомым человеком. Теперь круг интерпретируемых как нежелательные сексуальных намерений и действий стал намного шире, включая в себя сексуальный контакт, навязанный близким знакомым или любовником, или секс с человеком, находящимся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения».³¹

В историческом аспекте понятие согласия изменялось следующим образом: женщину считали соучастницей преступления, если изнасилование происходило в городе, так как предполагалось, что на зов о помощи кто-нибудь откликнулся бы. До середины XX в. в судах США потерпевшая должна была представить доказательства изнасилования, опознать насильника и представить следы сопротивления.

---

²⁷ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003. – С. 155.

²⁸ Groth A. N. Men Who Rape: The Psychology of the Offender. – New York, Plenum Press, 1979. – P. 32.

²⁹ Court J. H. Sex and violence: A ripple effect // Malamuth N. M., Donnerstein E. (Eds.). Pornography and sexual aggression, Orlando. – FL., Academic Press, 1984. – P. 143–172.

³⁰ U.S. Department of Justice. 1988. – P. 2.

³¹ Michael R. T. Sex in America: A definitive study. – Boston, 1994. – P. 126.

Следует отметить, что большинство форм насильственного сексуального поведения, таких как домогательство, насилие со стороны интимного партнера и ряд других, далеки от практики современного российского уголовного права. Соответствующие нормы должны найти свое законодательное воплощение в ближайшем будущем, чтобы в полной мере обеспечить половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Сексуальное принуждение, или *понууждение*, определено в ст. 133 УК РФ. Это действия сексуального характера, совершаемые «путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Под понуждением понимается оказание давления на психику потерпевшей путем шантажа (угрозы сообщения порочащих лицо сведений), угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества потерпевшего или использования материальной или иной зависимости потерпевшего.

В докладе ВОЗ термин «принуждение» используется в иной семантической плоскости и подразумевает различное по интенсивности применение физической силы.³² Кроме того, по УК РФ обещание каких-либо материальных выгод или других благ для склонения к сексуальному контакту криминальным не является, и, наоборот, обещание лишения благ, служебного положения и т. д. расценивается как угроза. Согласно определениям ВОЗ и первый, и второй варианты будут расценены как криминальное поведение. В теории отечественного уголовного права существует понятие «сексуальное мошенничество», суть которого заключается в том, что субъект под обещанием жениться, материальных благ или иных способов удовлетворения запросов женщины вступает с ней в половую связь и в последующем данное обещание не выполняет. С уголовно-правовой точки зрения здесь присутствует половая связь с использованием обмана, однако последний, и это, на наш взгляд, справедливо, не предусмотрен в качестве характеристики объективной стороны изнасилования.

Сексуальное преследование — третий вид криминального сексуального поведения как отдельная уголовно-правовая норма, к сожалению, отсутствует в российском праве и по своему смыслу входит в понятие понуждения. Понятие «сексуальное преследование» получило наибольшее распространение в англосаксонской правовой системе и формулируется как «определенные действия, направленные на конкретного человека, которые включают повторяющиеся физические или визуальные знаки внимания, враждебные сигналы, а также устные, письменные или подразумеваемые угрозы, достаточные, чтобы вызвать страх у разумного человека».³³

В США кодифицированные определения понятия «преследование» в зависимости от штата, в котором они прописаны, различаются и варьируются от «преднамеренного, злонамеренного, повторяющегося выслеживания человека и причинения ему беспокойства» до несогласованной коммуникации – попытки вступить в контакт с определенным лицом против его воли, включая телефонные разговоры.

Выделяются основные четыре категории преследований: 1) простое навязчивое преследование; 2) навязчивое любовное преследование; 3) преследование на почве эротомании и 4) преследование из мести, в том числе ревности³⁴.

Сексуальное домогательство — в уголовном праве США определяется как нежелательные сексуальные предложения, требования сексуальной благосклонности и другое поведение сексуального характера, проявляющееся в словах или действиях, если: а) подчинение таким предложениям, выраженным прямо либо подразумеваемым, составляет один из пунктов или условий получения работы данным субъектом; б) подобное поведение имеет целью или осу-

---

³² Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003.-С. 155–157.

³³ Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С. 28.

³⁴ Там же. С. 29.

ществляет неправомерное вмешательство в выполнение субъектом своих служебных обязанностей или создает на работе атмосферу запугивания, враждебности и неприязни.³⁵

Сексуальное посягательство — еще один общий термин для обозначения насильственных преступлений, используемый в англосаксонской правовой системе, под которым понимается применение, попытка применения или угроза применения физической силы в отношении личности вне зависимости от контекста ее применения в рамках сексуальных, насильственных или имущественных преступлений.

Насилие со стороны интимного партнера. Выделение этой формы насилия как самостоятельной – явление относительно новое для уголовного права. Так, в 38 из 50 штатов США насильственный половой акт между мужем и женой не является сексуальным поведением, которое может быть криминализовано.³⁶ Насилием со стороны интимного партнера считается любое поведение в рамках интимных отношений, которое выступает причиной физического, психического и сексуального ущерба для одного из участников этих отношений.³⁷ Такое поведение включает в себя:

- акты физической агрессии, такие как шлепки, нанесение ударов, пинки и избивание;
- психологическое насилие – запугивание и постоянное унижение;
- принудительный половой акт и другие формы сексуального принуждения;
- различные проявления контролирующего поведения, например изоляция от семьи и друзей, управление действиями и ограничение доступа к информации и помощи.³⁸

Как следует из определения ВОЗ, к насилию со стороны интимного партнера относятся не только насильственное сексуальное поведение, но и физическая агрессия, контролирующее поведение и др.; таким образом максимально расширяется спектр поведенческих проявлений.

Исследователи выделяют два варианта насилия со стороны интимного партнера. Первый – жестокое обращение – характеризуется несколькими формами плохого обращения одновременно с возрастающей степенью собственнического и контролирующего поведения. Второй вариант – «обычное партнерское насилие», смысл которого заключается в том, что партнеры постоянно чувствуют фрустрацию и раздражение, которые эпизодически выливаются в акты физической агрессии.

Для традиционного общества считались вполне приемлемыми физическое наказание жены и внутрисемейное насилие в целом. Так, английская поговорка XIX в. гласит: «Сбережешь розги – испортишь дитя». У. Hassan, проводивший исследования внутрисемейного насилия в Пакистане, пишет: «Избивание жены считается оправданным в качестве наказания с точки зрения культуры и религии... Так как мужчины считаются владельцами своих жен, они должны демонстрировать свое главенство, чтобы избежать нарушений в дальнейшем».³⁹ Причем и женами, и детьми это воспринимается как должное. Традиционные общества различают «справедливое» и «несправедливое» насилие, а также «приемлемые» и «неприемлемые» степени его применения. Таким образом, традиционная культура предоставляет мужчине как главе семьи право контроля над женщиной и применение насилия. Указанные формы контроля длительно сохраняются в обществах индустриального типа и определяют нормы сексуального поведения.

Общества постиндустриального типа («третья волна») определяют нормы поведения как «нормы консенсуса» и «мораль по договоренности», что формирует направления сексуальной политики и институты гражданского брака (*intimate citizenship*), ситуации, когда большинство

---

³⁵ Цит. по: Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 102.

³⁶ Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – С.433.

³⁷ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003. – С. 95

³⁸ Ibid. С. 95–96.

³⁹ Hassan Y. The baven becomes bell: a study of domestic violence in Pakistan. – Lahore, Shirkat Gah Woman's Resource Centre, 1995. – P. 14.

девиаций и сексуальных отклонений становятся, скорее, стилем жизни. Сексуальное поведение современного западного общества характеризуется тем, что равные индивиды устанавливают способы взаимовыражения интимности, сексуальных предпочтений и ориентаций, форм взаимоотношений и проживания вместе, принципов воспитания детей, стандартов маскулинности и фемининности. Такая ситуация стала прямым следствием дифференцировки репродуктивного и сексуального поведения вслед за началом широкого использования контрацепции и освобождения сексуальности. При этом законодательные нормы направлены на учет потребностей, желаний и ограничений другого, и именно в таком аспекте следует рассматривать насилие со стороны интимного партнера.

Групповые и организованные формы сексуального насилия. Как отмечалось, помимо общей тенденции к снижению насильственной сексуальной преступности отмечается тенденция к изменению ее внутреннего состава. По данным разных авторов, групповые формы сексуального насилия составляют от 10 до 40 %.

Организованные формы тесно связаны с другими видами организованной преступности, такими как торговля наркотиками и их употребление для нейтрализации жертвы, порнобизнес, подпольная киноиндустрия с «жесткой эротикой», организованная проституция, киднеппинг, похищение и торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации, доходящей до сексуального рабства.

4. *Ритуализированные формы сексуального насилия.* В отличие от институционализированных форм они встречаются в обществах традиционного типа, но могут практиковаться отдельными псевдорелигиозными сектами в современном обществе или встречаться как антропологические устойчивые формы поведения при совершении криминальных сексуальных деликтов лицами с психическими расстройствами или находящимися в измененных состояниях сознания на момент инкриминируемого деяния.

5. *Реципрокное насилие.* Латинский термин “reciprocus” обозначает взаимность, комплиментарность. Данный вид насильственных сексуальных преступлений может быть выделен как проблемная область исследования насильственного сексуального поведения. В криминологии проблема такого поведения рассматривается в рамках понятий «виновное поведение жертвы» и является приоритетом для виктимологических исследований. Так, известны варианты садомазохистского реципрокного парафильного поведения, результатом которого является смерть партнера от нанесения телесных повреждений, и, соответственно, такое поведение относится к криминальным формам.

Преступления против морали или «консенсусные» сексуальные преступления. Глава 25 УК РФ включает преступления против общественной нравственности. Данная группа преступлений определяется как «деятельность, которую большое число людей рассматривает как аморальную и способную принести духовный и даже физический ущерб лицам, осуществляющим ее».⁴⁰

К типичным преступлениям против морали относят проституцию, порнографию, консенсусную содомию.

Именно сексуальное поведение, не соответствующее моральным устоям общества, больше всего уповает на медицинские критерии нормального и аномального. Однако такой подход имеет как преимущества, так и недостатки⁴¹. К преимуществам медиализации, точнее, психопатологизации проблем криминального и девиантного сексуального поведения можно отнести развитие терпимости и сочувствия к человеку. Вместо констатации пороков или слабости, развращенности и распущенности, он квалифицируется как больной. В результате он

---

⁴⁰ Sheley J. F. American Crime Problem. Belmont. – С.А., Wadsworth, 1985. – P. 115–116.

⁴¹ Conrad P., Schneider W. Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. – Columbus, OH. Merrill, 1992. – P. 35–47.

не получает наказания, а проходит индивидуальный курс лечения, реабилитации и, что самое главное, ресоциализации. Медицинские средства воздействия являются более мягкими, чем юридические, даже если они применяются в рамках не карательного, а восстановительного правосудия. Однако эффективность применения медицинских мер остается достаточно низкой, особенно в сфере коррекции сексуального поведения. Частота повторных общественно опасных действий лиц, признанных невменяемыми в связи с совершением сексуальных преступлений, остается слишком высокой, а сроки нахождения под медицинским контролем – недостаточными. Давая медицинское заключение, специалисты широко употребляют специальную терминологию и используют гносеологические модели, которые далеки от юридического понимания. Соответственно такие лица как бы исчезают из юридического поля зрения, вместо спецучетов следственных органов они в лучшем случае попадают на учет в перегруженные психоневрологические диспансеры.

Проституция — широко распространенная форма сексуального поведения как в современном обществе, так и в исторической ретроспективе. Анализ данной формы возможен только с учетом, с одной стороны, исторического и социального контекста, с другой – при учете различия гендерных норм. Е. Неган определяет проституцию как практику беспорядочных половых сношений, совершаемых с корыстной целью и сопровождающихся эмоциональным безразличием.⁴² Сходное мнение высказывает Я. И. Гилинский, рассматривающий проституцию как возмездное предоставление сексуальных услуг и акцентирующий два основных признака: безличный (отчужденный) характер сексуальных отношений и возмездный (платный) характер.⁴³ Правовое определение проституции дано в Международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г., как удовлетворение похоти одного лица другим лицом за плату. Важным признаком выступает признак торговли телом и публичный характер предложения. Отмеченный признак позволяет отграничить возмездное содержание любовницы, так как будет отсутствовать критерий публичности, и проблема будет носить характер личных взаимоотношений.

Проституция представляет собой пример сексуального поведения, тесно связанного с экономическими факторами. Дж. Б. Шоу писал: «...если мы, в конечном счете, получаем порок вместо добродетели, то только потому, что больше за него платим».⁴⁴ На протяжении всей истории отмечается амбивалентное отношение к данному феномену, и он противопоставляется социальному институту брака. Английский историк XIX в. Леки, изучая историю морали, писал: «Благодаря проституции гарантирована святость семейного очага и невинность наших жен и дочерей».⁴⁵ Если в древнем обществе с определяющим социальным институтом «большой» семьи нормативному сексуальному поведению противопоставляется инцест, то постепенное разрушение такой семьи (рода, клана, племени) ведет к правовому оформлению института брака и соответствующему антиповедению – проституции. Но целесообразность существования антиномии признавалась даже отцами христианской церкви. Святой Августин писал: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит». Ему вторил Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность».⁴⁶

Таким образом, оппозиция противопоставления нормативных и ненормативных форм сексуального поведения служит для определенности норм, легитимизации морали. Однако в последующем тесная взаимосвязь проституции с экономическими факторами, особенно отчетливо проявившаяся в индустриальном обществе, приводит к массе других негативных послед-

---

⁴² Hagan E. Introduction to Criminology. – Chicago, 1986. – P. 243.

⁴³ Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С.372.

⁴⁴ Цит. по: Криминология / Подред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – С. 296.

⁴⁵ Цит. по: Рассел Б. Брак и мораль. – М., Крафт, 2004. – С. 127.

⁴⁶ Цит. по: Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

ствий, превращая ее из консенсусных, возмездных форм в средство экономической эксплуатации и насилия, приводя в большинстве случаев ее саму к криминализации и построению вокруг широкого спектра преступной деятельности как принуждение к занятию проституцией, сексуальное рабство, похищение и торговля людьми, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних и др.

По формам своего проявления проституция как сексуальное поведение может быть подразделена на две группы: 1) консенсусное занятие проституцией, и 2) эксплуатация проституции. Соответственно вторая группа действий относится к криминальным и определяется ст. 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией) и ст. 241 УК РФ (Организация занятия проституцией).

Таким образом, эксплуатация проституции определяется вовлечением, склонением, совращением другого лица к занятию проституцией даже при условии его согласия, а также путем пособничества, организации и содержания притонов для занятия проституцией. В большинстве западных государств занятие проституцией вблизи школ, в ненадлежащем месте и в ненадлежащее время и т. д. уголовно или административно наказуемо, что является вполне оправданными мерами социального контроля.

Проституция, имея под собой только экономические истоки, связывается с различными формами организованной преступности. Это внедрение в противоборствующие преступные группировки, использование с целью шантажа в отношении государственных чинов, их публичная дискредитация или вовлечение в криминальные структуры, осуществление роли информаторов и наводчиков и др.

Порнография — еще один вид деятельности, связанный с сексуальным поведением человека.

В ст. 242 УК «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» определение порнографии отсутствует. Использование термина основано, как правило, на противопоставлении, бинарной оппозиции порнографического и эротического.

Греческий термин “pornos” переводится как развратник. Порнограф у древних греков — художник, занимающийся росписью публичных домов и гримированием проститутток. Порнография в большинстве энциклопедических словарей определяется как натуралистически-вульгарное, непристойное изображение или описание половых отношений с целью вызвать половое возбуждение.

Порнография в литературе, кино, живописи, фотографии — изображение половых сношений как самоцель, без какой-либо художественной, эстетической направленности, а также произведения, содержащие такого рода изображения.⁴⁷

Правовое определение порнографии, сформулированное Калифорнийским судом США в 1973 г., состоит из трех пунктов:

- 1) если средний человек, рассматривающий произведение с точки зрения стандартов современного общества, обнаружит, что в целом оно вызывает сексуальный интерес;
- 2) если работа изображает сексуальное поведение «откровенно агрессивным образом»;
- 3) если произведение в целом не имеет «значительной литературной, художественной, политической или научной ценности».⁴⁸

Вопросам борьбы с распространением порнографии была посвящена Женевская международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 1923 г., где порнография определяется как непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение половой жизни людей, все то, что расположением лиц, поз рисунка обнаруживает специальное стремление возбудить похотливое чувство.

⁴⁷ Ефремова Т. Н. Новый словарь русского языка. — М., Русский язык, 2001. — С.432.

⁴⁸ Криминология / Под ред. Дж. Шели. — М.; СПб., Питер, 2003. — С. 302–303.

Основной аргумент сторонников запрещения порнографии заключается в том, что она может являться стимулом для насильственных форм сексуального поведения. В целом следует отметить, что при системном рассмотрении девиантных и криминальных форм сексуального поведения порнография имеет чисто теоретический интерес как отражающая семантику социального нормативного кода, разделяющего порнографическое и эротическое. Другой наиболее интересный аспект рассмотрения порнографии – в рамках описанного символического насилия.

1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»

«Люди с сексуальными “уродствами” – это люди с таким же достоинством и таким же божественным предназначением, как и все остальные. Мы можем говорить об их сексуальных отклонениях именно потому, что они второстепенны. Разумеется, следует избегать выражений, которые в современном языке носят оскорбительный характер (“извращенный”, “ублюдочный” и т. д.)».

Андреас Лаун, епископ Зальцбургский

Ряд форм криминального сексуального поведения тесно связан с медицинскими понятиями «аномальности», и их следует рассмотреть отдельно.

Критерий разграничения сексуальной аномальности как *медицинской* (психиатрической, сексопатологической) проблемы и сексуальной девиантности как отражающей социальную нормативность дан в последней редакции «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» – DSM-TV, выпущенной Американской ассоциацией психиатров в 2000 г. Ввиду принципиальной важности таких различий приведем текст дословно.

«Психическим расстройством считается клинически значимый поведенческий синдром или паттерн, который возникает у индивида и связан с имеющимся дистрессом (болезненным симптомом), или неспособностью (нарушением в одной или нескольких сферах функционирования), или значительным риском смертельного исхода, болью, актуальной утратой свободы. Кроме того, этот симптом или паттерн не должен быть ожидаемой и культурно санкционированной реакцией на конкретное событие. Независимо от своей первоначальной причины он должен в настоящее время быть проявлением поведенческой, психологической или биологической дисфункции индивида. Ни девиантное поведение (политическое, религиозное или сексуальное), ни конфликты, определенным образом возникающие между индивидом и обществом, не являются психическими расстройствами, если только отклонение или конфликт не оказывается симптомом дисфункции индивида, как описывается выше»⁴⁹.

Вначале целесообразно кратко остановиться на медицинских критериях «аномальности» сексуального поведения, так как они, по справедливому замечанию авторов руководства по «Судебной сексологии», отражают самый узкий спектр нормативности, «имеют дополнительные критерии, помимо их противоречия социальным нормам»⁵⁰.

Медицинская нормативность сексуального поведения и ее критерии определяются действующей на территории РФ Международной классификацией болезней – МКБ-10, раздел F «Классификация психических и поведенческих расстройств»,⁵¹ и тем самым соответствует международным стандартам в данной области. В отношении психосексуальных расстройств выделяются две основные группы нарушений – парафилии и расстройства гендерной идентичности.

Медицинская институционализация проблемы «сексуальных извращений» начинается в XIX в. с известной работы Р. Краффта-Эбинга «Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд».⁵² Изложен-

⁴⁹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Аномальная психология. – СПб., Питер, 2004. – С. 34–35.

⁵⁰ Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 102.

⁵¹ Международная классификация болезней, 10-пересмотр. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ. Россия. – СПб., 1994.

⁵² Краффт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд. – СПб., 1909.

ные им основные идеи сохранялись на протяжении длительного времени, и сексуальные извращения рассматривались не как самостоятельные нозологические единицы, а как сопутствующие в рамках различных психических расстройств. С введением в 1952 г. Американской психиатрической ассоциацией универсальной классификации психических расстройств DSM-I⁵³ термин «извращения» сменился на «сексуальные отклонения», и в ряде случаев отклоняющееся сексуальное поведение рассматривается как социопатическое расстройство. Вторая классификация – DSM-II – убирает понятие социопатических расстройств и сексуальные перверсии в целом относит к группе «непсихотических психических расстройств». DSM-III изменяет понятие перверсии, введя новый термин – парафилии. Кроме того, для установления диагноза сексуального отклонения необходимыми становятся два условия: «периодическое предпочтение» и/или «исключительно аномальный способ достижения сексуального удовлетворения», таким образом, убрав из категории расстройств изолированные или эпизодические девиантные сексуальные акты. Следующая классификация – DSM-III-R (1980) – оставляет термин «парафильное поведение», основным критерием которого выступает периодически повторяющееся аномальное сексуальное предпочтение.

Общими диагностическими критериями парафилий (рубрика F65) в соответствии с МКБ-10 являются следующие:

G1. Индивидууму свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы и поступки.

G2. Индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс и/или межличностные трудности из-за них.

G3. Это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

Основным медицинским (биологическим) критерием нормативности сексуального поведения целесообразно рассматривать признак нарушения контроля. Таким признаком нарушенного контроля поведения является неспособность сопротивляться импульсу, побуждению, «соблазну», выполнить действия, которые могут принести вред себе или другим.

Роль аномального сексуального поведения в генезе отдельных преступлений наиболее четко прослеживается в «криминальной парафильной триаде» – *эксгибиционизм, педофилия и садомазохизм*.⁵⁴ Выделенные несколько лет назад аномальные, с медицинской точки зрения, формы парафильного сексуального поведения были синхроничны криминальному поведению. Однако в настоящее время эксгибиционизм исчез из правового поля зрения. Изначально затерявшись в статье «Хулиганство», он стал полностью латентным.

Вопрос об отнесении эксгибиционизма к криминальному сексуальному поведению юридически решается неоднозначно. Его распространенность среди других форм девиантного сексуального поведения составляет, по данным J. Bastami (1976), около 30%.⁵⁵ Отечественные исследователи эксгибиционизма также относят его к самому распространенному феномену, приводящему к криминальной активности,⁵⁶ определяя данный феномен как преднамеренное обнажение гениталий перед другим человеком для достижения собственного сексуального удовлетворения.⁵⁷ Практика самообнажения, по мнению F. Rooth (1973), присуща в первую очередь западной культуре и относительно редко встречается в странах «третьего мира» и Латинской Америке.⁵⁸ Следует отметить две важные особенности эксгибиционизма – он никогда не переходит в физическую агрессию и протекает вне контекста приготовления к половому акту.

⁵³ Diagnostic and Statistical manual of mental disorders. DSM-IY. – APA. Washington, 2000.-430 p.

⁵⁴ Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада X, 1999. – С. 171–207.

⁵⁵ Bastami J. Treatment of male genital exhibitionism // Comprehensive Psychiatry. 1976. V. 17. N 6. – P. 769–775.

⁵⁶ Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. – М., Спарк, 1999. – С. 360.

⁵⁷ Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С.258.

⁵⁸ Rooth F. G. Exhibitionism, sexual violence and pedophilia // British Journal of Psychiatry. 1973. V. 122. – P. 705–710.

Исследователи Rhoads and Bories (1981), проводившие опрос в США и Гватемале, выясняли у женщин, как часто они встречали людей, публично обнажающихся. Результат опроса не выявил значимого различия в количестве случаев, однако официальные отчеты этих двух стран кардинально отличны. Таким образом, можно говорить, что зарегистрированные случаи эксгибиционизма как криминального сексуального поведения отражают морально-нравственное состояние общества в отношении пристойности и сексуальности. Социальный контроль над данным видом девиантности дает эффект не при использовании репрессивных мер, а при изменении отношения общества в целом. Учитывая эти моменты, можно говорить, что эксгибиционизм является индикатором распространенности сексуального девиантного поведения.

Следует отметить, что акты эксгибиции могут носить не только сексуальный характер. В древних обществах это акты демонстрации силы, превосходства и контроля. Эксгибиционизм как тип сексуального поведения связан с фаллическим культом, лежащим совместно с демонстрацией силы и превосходства в основе процессов стратификации, на что неоднократно обращали внимания этологи.⁵⁹ На основе фаллического культа формируются гендерные стандарты и стереотипы сексуального поведения.

Другие виды эксгибиционистского поведения, такие как сексуальный плюрализм (триолизм), кондаулезизм и культ сексуального гостеприимства, наоборот, направлены на сохранение социального равновесия и могут лежать в основе полигамии и полиандрии.⁶⁰

Проблема нормативности и криминальности *педофилии* требует особого рассмотрения; кроме того, она близко соприкасается с проблемами инцестного поведения и инфантоцида. «Проблема, которую должно решить каждое общество, – защита незрелых в половом отношении, является сутью проблемы инцеста», – пишет известный антрополог Маргарет Мид.⁶¹ Под криминальное сексуальное поведение педофильного характера могут подпадать все составы преступлений главы 18 УК РФ.

Традиционное, аграрное общество является геронтофильным – пожилые члены племени, мужчины составляют его основу, являются самыми уважаемыми, носителями традиций и исполнителями ритуалов. Проблема педофилии здесь просто не ставится, мир детства как таковой не дифференцирован, поэтому особое распространение получает феномен инфантоцида, который как криминальное поведение просто не рассматривается. «Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и как это обычно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода», – писал Л. Н. Толстой в конце XIX в.⁶² В конфуцианском Китае три дня после рождения младенец не считался человеком, и его умерщвление не осуждалось юридически или морально.⁶³

Общество промышленного (индустриального) типа ориентировано на мужчин работоспособного, производительного возраста. Следовательно, проблема детей актуализируется как проблема средств воспроизводства. И, наконец, общества современного типа, постиндустриальные, информационные, полностью ориентированные на привилегированные права ребенка, сталкиваются со всевозрастающей проблемой педофилии.

Следует отметить, что период детства в отношении сексуальной культуры необходимо рассматривать двояко. Помимо того, что этот период релятивистичен в своих возрастных границах, он может определяться в верхних границах либо до периода «полового созревания», либо до периода «социального созревания», которые могут не совпадать. В постиндустриаль-

⁵⁹ Эйбл-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг / Под ред. И. Эйбл-Эйбесфельдт. – М., Мир, 1995. – С. 46–49.

⁶⁰ Старович З. Судебная сексология / Пер. с польск. – М., Медицина, 1991. – С. 114–115.

⁶¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

⁶² Толстой Л. Н. Воскресенье. – М., 1997. – С. 8.

⁶³ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М., ПЕРСЭ, 2001. – С. 28.

ном обществе детство расширяет свои границы в плане социального созревания. Один из социологов постиндустриального общества Э. Тоффлер писал: «По мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние изменения между молодежью и стариками неизбежно становятся все более заметными. Темп изменений настолько ошеломляющ, что несколько лет разницы дают большие различия в жизненном опыте человека»⁶⁴.

Но главное, что в процессе инфантилизации можно не контролировать импульсы и желания, у ребенка имплицитно предполагается, что эти процессы контролируют взрослые члены общества. Для доказательства массовой инфантилизации достаточно вспомнить огромное количество мультфильмов для взрослых, компьютерные игры, примитивную видеопродукцию и др. В то же время психосексуальное развитие идет по пути выраженной акселерации, и высокие темпы данного процесса отмечены на протяжении второй половины XX в.

В традиционном обществе сексуальные отношения с детьми могут носить ритуализированный характер. Педофилию можно рассматривать и как ритуал, способ передачи знаний, навыков, умений и т. д. Но ее следует однозначно оценивать как криминальную, во всяком случае в России. В психиатрическом же аспекте могут быть предложены разные решения. Например, R. Grin ставит вопрос, является ли педофилия психическим расстройством?⁶⁵ Сама постановка вопроса предельно проста, как и в отношении гомосексуализма, когда на основе транскультуральных исследований пытаются показать распространенность феномена преимущественно в традиционных обществах и доказать его психическую «нормальность», на основании которой ставить вопрос о декриминализации. При этом R. Grin возвращается к истории Европы, где на протяжении трех веков сексуальные отношения и вступление в брак были разрешены с десятилетнего возраста.

Нерелевантность сопоставления традиционного и современного, постиндустриального общества обусловлена, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, совокупная продолжительность жизни на протяжении истории человечества не превышала 20 лет.⁶⁶ И, во-вторых, в средневековой Европе проблемы социологии и психологии детства не существовало, дети одевались, как и взрослые, играли в те же игры, выполняли ту же работу.⁶⁷ Традиционные общества, являясь «префигуративными», ориентированы на воспроизводство стереотипов традиций, и проблемы детей в таком обществе не существует.⁶⁸ G. Schmidt подходит довольно логично к проблеме педофильного сексуального поведения, разделяя нравственные и клинические аспекты. Если в первом случае следует опираться на рассмотрение нормативной системы общества, то с клинических позиций необходимо исследование травматизма подобных контактов.⁶⁹ Основное отличие педофилии от других форм сексуального поведения заключается в отсутствии равенства партнеров, что подвергает опасности способность ребенка к самоопределению. Отсутствие равенства однозначно свидетельствует о невозможности отнесения данных форм сексуального поведения к консенсусным. Смещение акцента на исследование детского травматизма также оправданно, так как вполне закономерно ставить вопрос о репрезентативности выборки лиц с педофильным поведением при исследованиях тех лиц, которые уже привлечены к уголовной ответственности. Значительно более высокая распространенность педофилии отражается на распространенности в мире детской проституции и порнографии.

Современный правовой подход должен базироваться на изложенных представлениях, но иметь четкую нормативную основу. И здесь представляется оправданной ориентация норм

⁶⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. – М., АСТ, 2001. – С. 319.

⁶⁵ Grin R. Is a pedophilia a psychiatric disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. V. 31. N 6; см. также Реферативный обзор по данной тематике: Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

⁶⁶ Капица С. П. Модель роста населения Земли // Успехи физических наук. 1995. Т. 26. № 3.

⁶⁷ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., Прогресс, 1992. – С. 67–81.

⁶⁸ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

⁶⁹ Является ли педофилия психическим расстройством? // Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

УК РСФСР 1960 г. о проведении экспертного исследования на определение половой зрелости потерпевшей на период криминального деяния. Решать вопрос путем повышения или понижения возраста жертвы в норме УК нецелесообразно. Многие УК западных стран исходят из представления о возрастной разнице «преступника» и потерпевшей, естественно, при добровольном гетеросексуальном контакте. Если, например, он не превышает трех лет, то деяние не криминализируется. Еще один важный момент – акселерация жертвы, как психосексуальная, так и физическая. По ст. 134 УК РФ необходимо осознание преступником, что он совершает половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, которое, судя по его возрасту, телосложению, внешнему облику и т. п., заведомо не достигло возраста 16 лет. Однако указанный фактор акселерации, использование косметики, стилей одежды, так же как провоцирующее сексуальное поведение в силу опять-таки психосексуальной акселерации, практически стирают эту возрастную границу для осознания.

Другим обстоятельством, учет которого необходим, являются психологические особенности восприятия человека, специфические эволюционные адаптации, придающие нам некоторую специфику. В психологии восприятия существует понятие ключевых стимулов, «врожденных пусковых механизмов»⁷⁰, или «врожденных моделей».⁷¹ Это сигналы коммуникации у особей одного вида, имеющие сигнальные приспособления и пусковые механизмы, которые провоцируют определенные поведенческие механизмы. Соответственно можно искусственно создавать объекты-стимулы, которые будут действовать сильнее обычных. В результате появляются визуальные стимулы с нарочито детскими чертами. Их прямое назначение – вызывать покровительственное поведение: уход, забота, привязанность, покровительство, опека. Как показали исследования И. Эйбл-Эйбесфельдта, мужчинам нравятся женщины, у которых полноценные вторичные половые признаки сочетаются с признаками «педоморфизма», – большие глаза, небольшой нос, невыраженный подбородок, маленький рот и др.⁷² Соответственно взрослые гетеросексуальные женщины практически бессознательно используют эти визуальные стимулы для запуска ответных реакций, используя косметику, макияж, пластику и др. Иными словами, они приближают себя по внешнему облику к подросткам, таким образом внося еще большую путаницу в возрастные грани. Все эти обстоятельства должны учитываться при определении нормативных границ криминального сексуального поведения в отношении несовершеннолетних.

Садомазохизм — третья составляющая парафильной криминальной триады. Свое название она получила от двух фамилий: маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада и Леопольда фон Зохера-Мазоха, известных в истории своими скандальными для своего времени произведениями, в которых впервые описывались данные формы сексуального поведения. Сосуществование этих реципрокных форм парафильного поведения стало «триумфом, избытым местом клинических и психоаналитических интерпретаций».⁷³ Хотя их неразрывность в целом не всегда является безусловной, Жиль Делез назвал такую форму сексуального поведения «семиотическим монстром», подразумевая, в первую очередь, трудность лингвистической экспликации и возможности анализа.

В англоязычной литературе такое поведение обозначается аббревиатурой BDSM и, соответственно, рассматривается как состоящее из трех компонентов: BD – от англ. *bondage* – связывание, *discipline* – дисциплина; DS – *domination* – доминирование, *submission* – подчинение; SM – *sadism* – садизм, *masochism* – мазохизм. Соответственно BD и SM отражают формы сек-

---

⁷⁰ Tinbergen N. The study of instinct. – London, Oxford University Press, 1951. – P. 23–24.

⁷¹ Lorenz K. Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung // Z. Tierpsychol. 1943. N 5. – P. 235–409.

⁷² Eibl-Eibesfeldt I. Die Biologie des menschlichen Verhaltens. – München, Piper, 1984. – P. 43–45.

⁷³ Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада X, 1999. – С. 206.

суального поведения; DS – ролевую структуру, но обмен ролями как таковыми отсутствует в процессе реализации поведения и может принимать только форму переключения (switch).

Такое поведение с позиции лиц, его практикующих, во-первых, носит консенсусный, договорной характер и, во-вторых, не является насильственным. Если под насилием понимать моральное (психическое) или физическое принуждение (подавление), направленное против воли, желания и мнения другого. Договорной и ненасильственный характер садомазохистских форм сексуального поведения предполагает их добровольность, безопасность и разумность, т. е. обоюдное желание такого поведения, сведения риска возможных повреждений к минимуму и ответственность, сходство взглядов партнеров на сексуальные взаимоотношения и их последствия.

В уголовном праве и криминологии понятие садизма очень часто отождествляется с особой жестокостью, хотя эти понятия целесообразнее дифференцировать. Особая жестокость – квалифицирующий признак состава преступления. В то же время садомазохизм есть реципрокная форма сексуального поведения. Преступления с особой жестокостью не всегда совершаются по сексуальным мотивам и, соответственно, не относятся к криминальному сексуальному поведению. Связанность садизма и жестокости не ведет к пониманию конкретных механизмов девиантного и криминального поведения. «Садисту, в отличие от жестокого человека, не зло приносит наслаждение, но наслаждение кажется зловредным».⁷⁴ Таким образом, садомазохизм может быть отнесен к криминальным формам поведения только как «преступление против морали». С. Жижек как раз сравнивает И. Канта как одного из основоположников морального императива с маркизом де Садом.⁷⁵ Для Канта любое желание контролируемо, в особенности если оно противоречит инстинкту самосохранения. Сад описывает удовлетворение желаний вопреки опасности, вне «эгоистичности», «по ту сторону принципа удовольствия», а, соответственно, по Канту, такие действия являются этическими. При этом следует отметить, что сам де Сад негативно относился к любым формам насилия, в том числе институционализованному, и резко выступал против террора во времена французской революции.

Жестокость определяется как «черта личности со стремлением к причинению страданий, мучений людям или животным, выражающаяся в действиях, бездействиях, словах, а также фантазировании соответствующего содержания».⁷⁶ Другим семантически близким к жестокости является понятие агрессии. Однако агрессивность, как отмечает Ю. М. Антонян, более широкое нравственное понятие, поскольку не всегда агрессивные действия носят жестокий характер.⁷⁷ Принципиально важным моментом является такая отмеченная особенность, как нравственный характер, в то время как понятие садомазохизма – чисто клинико-психопатологическое и патопсихологическое; как криминальная агрессия оценивается с позиций правовых и социальных норм и содержит компонент нравственности, так в биологическом мире «агрессия» – чисто научный термин, свободный от оценочных категорий.

Садомазохизм как медицинская, психиатрическая проблема должна решаться, в первую очередь, на основании медицинских критериев парафильного поведения. Принципиальным остается вопрос об интерференции аномального парафильного поведения в форме садомазохизма и криминального сексуального поведения и оценки степени его общественной опасности.

Относительно половых преступлений и криминального сексуального поведения в п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ определяется повышенная уголовная ответственность

⁷⁴ Загурекам И. Эпистола из камеры vs. Философии в бундуре // Маркиз де Сад. Письма вечного узника. – М., Эксмо, 2004. – С. 12.

⁷⁵ Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec/zizec.html

⁷⁶ Антонян Ю. М. Гульдман В. В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – С.115.

⁷⁷ Антонян Ю. М. Общий очерк о преступном насилии // Человек против человека. Преступное насилие. Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Антоняна, С. Ф. Миллюкова. – СПб., 1994. – С. 8–9.

за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или другим лицам. Особая жестокость при сексуальных преступлениях будет проявляться в способе совершения преступления: пытки, мучения, истязание, причинение вреда здоровью. Однако если тяжкий вред здоровью причинен умышленно, то такие действия следует квалифицировать в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и таким образом рассматривать идеальную совокупность преступлений. Кроме того, возможны ситуации, когда особая жестокость проявляется в отношении других лиц, родственников потерпевшей с целью сломить сопротивление путем психического воздействия. В указанных случаях также можно говорить о садистском поведении.

Отмечая тот факт, что эксгибиционизм как форма криминального сексуального поведения не всегда находит уголовно-правовую оценку, нужно сказать, что на его место в криминальной триаде претендует раптофилия. J. Money выделил шесть основных категорий парафилий, каждая из которых представляет свою стратегию поведения, посредством которой сладострастие и чувственность отделяются от любви и романтического аффекта.⁷⁸ Они становятся кардинальными элементами при парафилиях, предоставляя возможность для сексуального экспериментирования со сладострастием при отсутствии любви как таковой. Одной из таких стратегий является *мародерско/грабительская*, которая подразумевает похищение или принуждение сладострастного партнера из-за того, что «безгрешный» партнер не допускает греха сладострастия. Крайний вариант этой стратегии – синдром насильственного или агрессивного парафильного изнасилования (раптофилия или биастофилия). Однако ни МКБ-10, ни DSM-IV не включают изнасилование в рубрику парафилий.

А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенский, Н. В. Дворянчиков, обсуждая вопрос о том, представляет ли собой изнасилование истинную парафилию (раптофилию), при которой сексуальное удовлетворение стереотипно достигается путем насильственного принуждения к сексуальному взаимодействию (изнасилования) партнера, отмечают, что при этом отсутствуют такие характерные для *садизма* элементы, как намеренное причинение боли или унижения, являющиеся обязательным условием сексуального возбуждения.⁷⁹ Аргументы для признания изнасилования одним из видов парафилий исходят из нескольких источников. Клинические интервью лиц, совершивших изнасилования, представляют информацию о том, что во многих случаях у данных субъектов присутствуют навязчивые, повторяющиеся, компульсивные побуждения и/или фантазии, сюжетом которых является изнасилование. Последние имеют циклическую природу, переживаемые индивидом желая увеличиваются по интенсивности и, в конце концов, становятся слишком сильными. Субъект стремится взять их под контроль, однако по мере того, как побуждения становятся слишком интенсивными, контроль нарушается и желая претворяются в жизнь с последующей временной их редукцией. Данный паттерн весьма специфичен для истинных парафилий. Дополнительным подтверждением служит тот факт, что изнасилование как таковое является феноменом, сопутствующим другим видам парафилий. В частности, у насильников имеется высокая вероятность существования в прошлом или появления в будущем других парафилий в дополнение к раптофилии.

---

⁷⁸ Money J. Paraphilias: Phenomenology and Classification // Amer. J. Psychother. 1984. Y. 38. N 2.-P. 56–78.

⁷⁹ Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 98.

1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований

«Девиантность» – общий термин, обозначающий отклонение от социальных норм. Данный феномен представляет собой комплексное явление. Я. И. Гилинский обоснованно выдвигает несколько общих оснований для объяснения девиантности.⁸⁰ Таких факторов – четыре.

1. Причинно-следственная связь – одно из проявлений взаимозависимости между элементами системы; социальные системы более сложны, вероятностны, нелинейны и стохастичны.

2. Социальные девиации – искусственный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности.

3. Проявления девиантности столь различны по содержанию, что нет и не может быть единой причины.

4. Вероятно, имеются обстоятельства, наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а его форма зависит от случайностей или индивидуальных особенностей субъекта.

Нормативность по своей природе явление противоречивое. Традиционные нормы, унаследованные исторически, сталкиваются с нормами новыми, сформировавшимися в процессе развития общества. Однако это не снижает их значения в поддержании социальной стабильности и регуляции общества. «Возникновение социальных норм связано с выделением человека из животного царства, осознанием им своего отношения к себе, что, в свою очередь, порождает отношение к себе подобным».⁸¹

Девиация есть отклонение, которое всегда проявляется в поведении (поступках, деятельности, действиях), отражая социальную сторону функционирования личности. Для обозначения такого отклоненного поведения всегда существует большой тезаурус, отражающий многообразие поведенческих форм, с одной стороны, и семантическую диффузию или «отсутствие качественной определенности» – с другой. Особенно это касается разнообразных форм сексуального поведения, которые в любом обществе находятся в аффектогенном поле. Соответственно, чтобы иметь возможность сравнительного анализа различных проявлений девиантности в том или ином обществе, нужно, в первую очередь, исходить из понимания специфического для каждой социальной системы культурального нормативного кода.

Следует отметить интересный момент: понятия нормативности, девиантности и сексуальности возникают на исторической арене в период формирования индустриальных цивилизаций синхронично. На это впервые обратил внимание французский философ М. Фуко. Диспозитив сексуальности или различные подходы к ее изучению и различные возможности воздействия на нее возникают в ситуации отслеживания и установления контроля за девиациями. Формирование понятия сексуальности, по М. Фуко, относится к XVIII–XIX вв. и связывается им с формированием новых социальных институтов – религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении сексуальных отклонений. Им делается набросок единой схемы объяснения таких отклонений.⁸²

Первое – это задача социальных институтов, таких как церковь, школа, больница или суд, отслеживать отклоняющееся поведение и возвращать его к норме. При этом каждый из социальных институтов ставил свои границы нормы и отклонения, патологии или девиантности. Несовпадение критериев этих нормативных систем и в настоящее время нами уже отмечалось.

---

⁸⁰ Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

⁸¹ Лукашева Е. А. Права человека как фактор устойчивого развития. – М., НОРМА, 2000. – С. 13.

⁸² Цит. по: Розин В. М. Личность и ее изучение. – М., Едиториал УРСС, 2004. – С. 46–52.

Вторым моментом являются практики контроля и подавления: воспитание, наказание, исправление и т. д. Третий шаг – все, что становится запретным, девиантным, становится притягательным. Причем психология и другие науки ищут причину отклонений и находят ее именно в сексуальности, которая таким образом становится камнем преткновения и причиной всех бед. М. Фуко писал, что «понятие секса позволило, во-первых, перегруппировать с некоторым искусственным единством анатомические элементы, биологические функции, поведения, ощущения и удовольствия, а во-вторых – позволило этому фиктивному единству функционировать в качестве каузального принципа, вездесущего смысла, повсюду требующей обнаружения тайны: секс, таким образом, смог функционировать как единственное означающее и как универсальное означаемое».⁸³

Основная заслуга М. Фуко состоит в том, что он одним из первых показал, что понятие сексуальности является, прежде всего, культурно-историческим и возникает в период индустриальной цивилизации наряду с отклонениями, а в первое время своего существования и как единственная их причина. Именно научная рациональность как основополагающий ориентир Нового времени вводит понятия нормативности, девиантности и ассиметричного контроля девиантности, когда отклонения в «плохую» сторону осуждаются и контролируются, а в «хорошую» – поощряются. В целом в индустриальном обществе получили легитимность три критерия нормативности: целесообразность (адаптивность), моральность (ценность, особенно после употребления этого термина А. Смитом в политэкономии) и рациональность (научность). В своей тесной взаимосвязи они выступили конструирующими элементами социальной нормативности. Отклоняющееся, девиантное поведение всегда отражает общественную, социальную сторону функционирования личности.

Наряду с термином «девиантность» существует довольно большой тезаурус, который отражает многообразие поведенческих проявлений, с одной стороны, и семантическую неопределенность предмета девиантологии – с другой. Такими терминами выступают: «асоциальное», «делинквентное», «аномальное», «перверсное», «аддиктивное», «патологическое», «парафильное», «патохарактерологическое поведение» и ряд других. Наиболее общее определение девиантного поведения – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующее официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.⁸⁴ Выделив три критерия нормативности, можно говорить о трех относительно независимых, иногда вступающих в противоречия и, соответственно, образующих двойные стандарты социальных нормативных системах, в совокупности определяющих специфический культуральный нормативный код.

Спектр девиантного поведения чрезвычайно широк и варьирует от пропусков занятий студентами или школьниками, неучастия в выборах до совершения тяжких криминальных актов. Поэтому существование одинаковых теоретических схем изучения девиантности всегда остается проблематичным. Так, предлагаемые типологии девиантного поведения по временному критерию подразделяются на временные, или транзиторные, и постоянные, или устойчивые. Транзиторные чаще всего являются ситуационно зависимыми, могут трактоваться в рамках групповой динамики и связываются с механизмами психического подражания. Сама по себе реакция группирования со сверстниками (или определенной референтной группой) является нормальной характерологической реакцией преимущественно подросткового возраста.⁸⁵ Устойчивые, постоянные формы девиантного поведения характеризуются отрывом от ситуационных, пусковых моментов и собственной внутренней динамикой своего развития, что, соответственно, сближает их с патохарактерологическим и психопатическим развитием лич-

---

⁸³ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. – М., 1996. – С. 262.

⁸⁴ Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 156.

⁸⁵ Личко А. Е. Психиатрия подросткового возраста. – М., Медицина, 1985. – С. 241–244.

ности. Устойчивые девиации отличаются монофеноменологической картиной, при неустойчивых девиациях отмечается частая смена клинических и социальных форм отклоняющегося поведения.

Последние встречаются значительно чаще и отражают степень нарушения влечений, т. е. вовлеченность патобиологического уровня. По степени оформления подразделение осуществляется на структурированные и неструктурированные формы. При этом транзиторные девиации являются неструктурированными. По направленности деструктивного поведения девиантные формы могут подразделяться на направленные вовне, внешнее окружение (соответственно различаясь по степени дифференцированности объектов, на которые направлено деструктивное поведение) и на себя – аутодеструктивные формы. Аутодеструктивные также варьируют в широком диапазоне проявлений – от крайних острых форм (суицидальное поведение) до хронических (например, аддиктивное пищевое поведение). По степени осознаваемости, рефлексированности также отмечается вариативность по шкале сознательного-бессознательного.

Системный анализ девиантных и криминальных форм поведения в историческом аспекте принадлежит одному из основателей социологии, французскому исследователю Э. Дюркгейму и впервые был им сформулирован в теории аномии. Одно из основных преимуществ данной теории заключалось в том, что она была сформулирована в предельно обобщенных понятиях социального хаоса, дезорганизации и социальной упорядоченности, в понятиях, отражающих степень социального порядка. Сформулированная Э. Дюркгеймом теория аномии предполагает, что во время социальных кризисов и дезорганизации у людей теряются нормативные ориентиры, что является причиной девиантного поведения. Кроме того, ряд естественных, постоянно происходящих процессов (миграция, межнациональные конфликты и двойные стандарты поведения) также служат причиной социального хаоса.

Э. Дюркгейм первым высказал точку зрения, что общество есть особая реальность, не сводимая к отдельным индивидам. Любая система определялась им как единицы (элементы), ее составляющие, и отношения между ними. А. Рэдклифф-Браун⁸⁶ на основе идей Дюркгейма рассматривал социальную систему как состоящую из:

1) социальных структур – суммы всех отношений индивидов в рассматриваемый момент времени;

2) социальных обычаев и институтов (где обычаи – совокупность норм поведения, и социальные институты – нормы поведения определенной формы социальной жизни – семьи, клана, племени, государства);

3) специфические образы мыслей и чувств, связанные с социальными нормами поведения.

Соответственно методами системно-социальных исследований, на основе теоретических разработок Э. Дюркгейма, являются:

а) функциональный анализ, определение места и роли изучаемого явления в функционировании социума;

б) структурный анализ, выявление структур или инвариантов поведения людей в различных видах общественных отношений;

в) сравнительный анализ – поиск универсалий человеческого поведения, обнаруживаемого во всех человеческих обществах.

Положительное значение девиантности Э. Дюркгейм видел в укреплении роли ценностей, представленности многообразия форм человеческого поведения, очерчивании границ нормативности и развитии систем идентификации общества в целом. Хотя сама теория аномии

---

⁸⁶ Рэдклифф-Браун А. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 604–611.

в литературе неоднократно подвергалась критике, основная мысль о социальной дезорганизации как источнике девиантности поведения считается в настоящее время общепризнанной.

Теория аномии за период своего длительного существования неоднократно дополнялась и видоизменялась. Р. Мертон внес значительные дополнения за счет подробного анализа реакций субъекта на фрустрирующие ситуации. Основная причина девиантности, по его мнению, заключается в разрыве между целями в обществе (критерий целесообразности) и социально одобряемыми средствами осуществления этих целей. Таким образом, он выделял пять типов поведения индивида в обществе: конформность, инновация, ритуализм, ретреизм и бунт. Работы Р. Мертона позволили соотнести определенные поведенческие типы с социальными ролями отдельного индивида и социальными структурами общества. Именно на уровне формирования социальных структур любое общество, существующее даже в архаических формах, должно поставить сексуальное поведение своих подданных под определенный контроль и интегрировать в своих структурах. Р. Мертон одним из первых осуществил системный подход к анализу норм регуляции сексуального поведения и квалифицировал эти нормы на предписывающие, разрешающие и запрещающие.⁸⁷ При этом для анализа социальных структур он использовал так называемые «естественные» сексуальные отношения. Основным каркасом социальной структуры для регуляции такого поведения он выбрал брачный статус, родство, социальную стратификацию, особые социальные статусы, особые события и обстоятельства и сексуальное поведение в целом. Соотношение предмета регулирования и норм представлено в таблице I.⁸⁸

В результате обширного антропологического исследования был сформулирован вывод о том, что для большинства изученных культур регулированием сексуальных отношений является не половой акт, а различные социальные феномены, по отношению к которым он играет одну из наиболее значимых ролей (системы родства, воспроизводство, ритуалы и социальные статусы).

Таблица 1

Регуляция различных форм сексуального поведения (по Дж. Мердоку, 2003)

Предмет регулирования	Запрещающие нормы	Разрешающие нормы	Предписывающие нормы
Секс в целом	Запрет внебрачного секса	Промискуитет	Сексуальное гостеприимство
Брачный статус	Запрет адюльтера	Добрачная сексуальная свобода	Супружеские обязанности
Родство	Противоинцестуозные запреты и экзогамия	Разрешение смешанных браков	Предпочтительные брачные партнеры
Социальная стратификация	Кастовая, классовая и этническая эндогамия	Сексуальные привилегии	Гипергамия
Особые статусы	Статусное целомудрие и целибат	Сексуальные привилегии	Особые сексуальные обстоятельства
Особые обстоятельства	Ритуальное половое воздержание и репродуктивные сексуальные табу	Ритуальный промискуитет	Обязательные сексуальные ритуалы

⁸⁷ Merton R. Intermarriage and the Social Structure: Fact and Theory // Psychiatry. V. 4. 1941. P. 322.

⁸⁸ Мердок Дж. П. Социальная структура. – М., ОГИ, 2003. – С. 341.

Брачные отношения служат основным предметом социального регулирования, что вполне согласуется со свободой добрачных сексуальных отношений в большинстве обществ. Вместе с тем круг брачных отношений ограничивается факторами этнической или социальной стратификации. Несмотря на значительный разброс в нормативной регуляции сексуального поведения «единственным по-настоящему универсальным типом сексуального урегулирования можно считать регулирование сексуальных отношений между родственниками. Запрещающие нормы этого типа распадаются на две основные категории: противоинцестуозные табу и экзогамные ограничения».⁸⁹ Все половые отношения в социальном плане разделяются на семь основных категорий, представленных с объяснениями в таблице 2.

Таблица 2

Социальные категории сексуальных отношений

Категория половых отношений	Объяснение
Брачная сексуальность	Сексуальность с соблюдением всех социальных норм
Инцест	Сексуальность с партнером в реальном или искусственном родстве
Мезальянс	Партнеры различные по социальной стратификации
Нарушение статусного целомудрия	Социальный статус одного из партнеров, требующий целомудрия
Сексуальная невозддержанность	Сексуальность с нарушением культуральных запретов
Нейтральные сексуальные связи	Лица, не являющиеся брачными партнерами, но и не нарушающие никаких социальных норм
Алюльтер	Сексуальные отношения вне брака. Один из партнеров состоит в браке

В зависимости от способов, посредством которых социум решает проблемы, возникающие с нарушениями сексуальных норм, общества распадаются на две группы. Общества первой группы «полагаются, прежде всего, на глубокую интернализацию сексуальных запретов в процессе социализации. Табу внушаются посредством системы наставлений и санкций настолько основательно, что становятся как бы “второй природой”. Одна только мысль об их нарушении порождает в социализированном индивиду чувство вины; в результате общество может позволить себе решать проблему предотвращения отклоняющегося поведения, опираясь, прежде всего, на совесть своих членов. Другая группа обществ, по всей видимости, не добивается такого большого успеха в интернализации запрещающих норм сексуального поведения. В результате они не могут полагаться на индивидуальную совесть как достаточный гарант соблюдения табу и вынуждены вырабатывать дополнительные гарантии их соблюдения в виде разного рода механизмов внешнего контроля над поведением индивидов».⁹⁰ В основном это внушение этики добрачного целомудрия и брачной верности, в процессе социализации больше направленные на женщин.

В то же время практики социального контроля в других группах обществ также касаются, в первую очередь, лиц женского пола: затворничество незамужних девушек, сопровождение их гувернантками или укрывание чадрой, содержание в гаремах и постоянный надзор. Таким

⁸⁹ Там же. С. 346.

⁹⁰ Там же. С. 352.

образом, контроль девиантности также идет двумя способами – выработка морали у социализируемого индивида или постоянный внешний контроль, но последний в структуре традиционных обществ идет на уровне семьи и брачных отношений, а не социальных институтов. Соответственно тяжесть санкций при нарушении норм также различна.

Следующим шагом в системном изучении девиантных и криминальных форм поведения следует считать работы американского социолога Т. Парсонса. В его исследованиях понятиям девиантности и конформности отводится центральное место в теории социального действия.

Т. Парсонс развивает два основных направления в исследовании общества – акционалистский (деятельностный) и системный анализ. Деятельность характеризуется, прежде всего, системой координат, которая характеризуется:

- 1) минимальным набором структурных элементов действия – целей, средств, условий и норм;
- 2) существованием нормативной ориентации действия;
- 3) временным измерением действия;
- 4) субъективным характером действия.⁹¹

Одной из главных характеристик действия является ориентация «эго» на ситуацию. Т. Парсонс выделяет два типа ориентаций – мотивационную и ценностную. Мотивационная подразделяется на три компонента – когнитивный (отражающий интересы действующего лица), «катектический» (придающий субъективное значение данной ситуации) и оценочный.

Ценностная ориентация, включающая «внешние символы», которые регулируют поведение людей, также состоит из трех компонентов (когнитивные, оценочные и моральные стандарты).⁹²

Любое действие в теории Т. Парсонса рассматривается в трех системах координат, схематично представленных на рисунке 1.

Личность	Культура	Социальная система
Действующее лицо (субъективная сторона действия)	Культуральные образцы действия	Другие действующие лица
Цели и средства	Общие ценности и нормы	Социальные статусы и роли

Рис. 1. Пространство социального действия (по Т. Парсонсу, 2000).

Личность у Парсонса представляется как «организованная система ориентации и мотивации действий индивидуального субъекта, где организующими моментами являются потребности-установки и потребности-предрасположенности». ⁹³ Личность как система представляет собой: 1) взаимосвязность и совместность действий отдельного субъекта; 2) организацию действий с помощью диспозиции потребностей.

Понятие девиантности связано у Т. Парсонса с мотивационными структурами. Мотивация девиантного поведения является результатом процессов социальной коммуникации в прошлом. Противопоставляя девиантность социализации, следует отметить, что девиантность может возникнуть на любом этапе социализации – внедрении, адаптации и интеграции. Конкретный «актор» выступает не в одной роли, а во множестве ролей, которые между собой могут находиться в противоречии, что порождает как сложную систему нормативных стандартов, так

⁹¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000. – С. 273–274.

⁹² Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура. Личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., Педагогика, 1994. – С. 456.

⁹³ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000.-С. 421.

и двойные нормы. Девиантность выступает как главная ось анализа социальных систем, который основывается на двух моментах:⁹⁴

1) структура отношений действия сосредоточивает весь анализ на вопросе нормативной и ценностной ориентации;

2) мы имеем дело с «несущей конструкцией» для того типа системы, которая определяет то, что понимается под интеграцией системы.

Мотивации, связанные с негативными ожиданиями, у Т. Парсонса получают название алиенативной потребностной диспозиции (от *alienatio* – отчуждение), а позитивные ожидания определяют конформную потребностную диспозицию. Преобладание конформного компонента над алиенацией ведет к компульсивной конформности, а преобладание алиенативного – к компульсивной алиенации. Для дифференцировки направления девиантной мотивации Т. Парсонс вводит две шкалы: пассивности/активности и различения фокусировки на одном из компонентов интерактивной системы действия, социальных объектах, «*другой*» и нормативных моделях. В результате получается многомерная модель девиантной мотивации, представленная на рисунке 2.⁹⁵

	Активность	Пассивность
Конформность	Компульсивная ориентация поведения	Компульсивное молчаливое согласие
	Фокусировка на социальных объектах Доминирование	Фокусировка на нормах Компульсивное принуждение
Алиенация	Мятежность	Уход
	Агрессивность по отношению к социальному объекту Неисправимость	Компульсивная зависимость Бегство

Рис. 2. Многомерная модель девиантной мотивации (по Т. Парсонсу, 2002)

Теория девиантности Т. Парсонса – это интерактивная система, где, с одной стороны, действует структура потребностей индивида, «эго», с другой – нормативные социальные стандарты с учетом социального объекта, «другой». Интерактивная система действует в направлении мотивационной системы «эго» с тем, чтобы «создавать мотивацию конформности по отношению к ожиданиям общепринятой системы нормативных моделей, и санкции в таком “нормальном” случае действуют в направлении усиления этой мотивации».⁹⁶ Следовательно, идет процесс либо перестройки мотивационной системы, либо алиенации личности, т. е. «образование порочного круга интенсификации алиенативных компонентов».⁹⁷

Элемент неструктурированности в системе ожиданий может происходить из расплывчатого определения самих нормативных моделей или способов их применения, т. е. прозрачность, диффузность границ норм и ценностей, их различение/неразличение (безразличие) отражаются в хаотичности мотивационных потребностей.

Другим важным условием в образовании девиантной мотивации является структура мотивационной модели «другого». «Если собственная мотивационная структура другого является амбивалентной в каком-либо отношении, релевантной проблеме конформности, “другой” и “эго” могут начать “последовательно работать друг на друга”, создавая порочный круг».⁹⁸ Тем самым Т. Парсонс вводит в системный анализ девиантности принцип обратных связей и

⁹⁴ Парсонс Т. О социальных системах. – М., Академический Проект, 2002. – С. 363.

⁹⁵ Там же. – С. 371.

⁹⁶ Там же. – С. 388.

⁹⁷ Там же. – С. 389.

⁹⁸ Там же. – С. 390.

взаимоиндукцию девиантности. В основе образования порочного круга рассматриваются два механизма: «соучастие по преступлению», когда потребностные диспозиции «эго» и «другого» взаимно поощряют девиантные тенденции и «интенсификации конфликта», когда алиенативная потребностная диспозиция усиливает конфликт. Этот механизм заставляет «эго» сильнее чувствовать, что «другой» сам амбивалентен и якобы «тайно» одобряет девиантные тенденции.⁹⁹

Указанные механизмы достаточно точно моделируют генез девиантных и криминальных форм сексуального поведения. Механизм «соучастия по преступлению» может быть применим для рассмотрения преступлений «против морали» и большинства форм сексуальных девиаций. В основе сексуальных преступлений агрессивного-насильственного характера лежит механизм «интенсификации конфликта» частыми обвинениями жертвы как «амбивалентного другого».

В процессе социальной динамики, в цивилизационных процессах, распад одного из социальных институтов ведет к высвобождению большого числа свободных форм поведения, которые для обеспечения порядка должны быть институционализированы другими социальными институтами. Так, социальный институт семьи претерпел эволюцию в цивилизационном процессе и практически распался в постиндустриальном обществе, высвободив большое количество девиантных форм сексуального поведения. А. Кинси, несмотря на многочисленную критику в предвзятости в его адрес, был прав, выявив путем социологических методов значительный процент девиантов (геев и лесбиянок). Он исследовал американское общество на пороге постиндустриальной цивилизации и культуры постмодерна, т. е. в переходный период, когда степень социального хаоса возрастает. Однако решающую роль в отношении общества к сексуальным девиантам и формировании нравственности сыграл не А. Кинси, а политики, которые в сексуальных меньшинствах увидели, в первую очередь, голоса избирателей в своих предвыборных кампаниях. Другими факторами, оказавшими влияние на данный процесс, стали: упадок другого социального института – церкви, и «эпистемиологический скандал» в психиатрии о признании гомосексуальной ориентации нормативной.

При рассмотрении вопросов нормативности и институционализации различных форм поведения необходимо обратить внимание и на системы ценностей. Любая социальная норма получает свое воплощение при соотнесении с ценностями. Эволюция систем ценностей в цивилизационном аспекте представлена в работе Ж. Бодрийера.¹⁰⁰ Он выделяет историческую схему трех порядков «симулякров» (от лат. *simulakr* – подобие, призрачность). Симулякры первого порядка основаны на естественном законе ценности, второго – на рыночном законе стоимости и третьего порядка – на структурном законе ценности. Третий порядок, основанный на структурном законе ценностей, предполагает, что каждая структура или конфигурация переосмысливается следующей за ней, новой, и создается новый разряд симулякров. Такая система ценностей постиндустриального общества хорошо вписывается в понятия нравственного релятивизма и консенсусной морали, что отражает реальное положение вещей в настоящее время.

Одним из крупнейших теоретиков системного анализа социальных систем и моделей девиантности в настоящее время является немецкий исследователь Н. Луман. Отойдя от структурных моделей общества, рассматривая их структуру как сетевую, он вводит понятия самоорганизации и аутопоэзиса. Связь теории личности и девиантности в современном обществе Н. Луман уже определяет не через системы социальных ролей, а посредством более глобальных категорий включенности и исключенности в процессах сетевой структуризации. Если понятие алиенации у Парсонса представляет социальное отчуждение в различной степени и из различных социальных структур, то сетевая организация социума – единая структура и исключен-

---

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Бодрийер Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 111.

ности личности есть полное удаление из социальных сетей. Процесс исключения личности из социума представляется как постепенный разрыв связей – потеря квалификации в стремительно изменяющемся мире, проблемы идентичности, возрастание зависимости от служб социальной помощи и т. д. Такие процессы исключенности будут неизменно сопутствовать процессам глобализации современного общества. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия (XXI в. – *Н. И.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.